

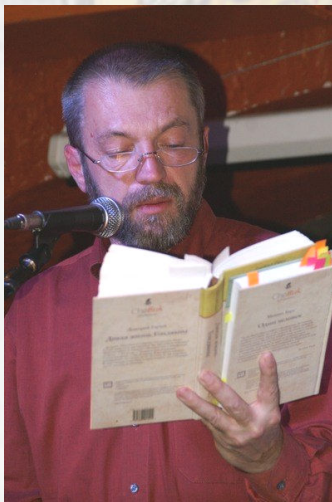

муниципальное казенное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система» Приокского района
ЦРБ им. Т.Г. Шевченко

Информационно-библиографический отдел

Сказки с намеком

Бару М. Повесть о двух головах, или Провинциальные записки. — М.: Livebook, 2014. — 480 с.

Это книга о русской провинции. О той, в которую редко возят туристов или не возят их совсем. О путешествиях в маленькие и очень маленькие города с малознакомыми и вовсе неизвестными названиями вроде Южи или Белёва, Одоева или Торжка. У каждого города своя, неповторимая и захватывающая история с неповторимыми людьми, тайнами, летописями и подземными ходами. Не забыта и Нижегородская сторона: Павлово, Ворсма, Горбатов, Выкса и Городец.

По словам самого автора: «...это для меня (поездки по провинции) чистой воды кладоискательство. Детское что-то. Всякий мальчишка любит искать клад. Я каждый раз еду в провинциальную глушь с надеждой найти там какую-нибудь замечательную историю...» Кладоискательством и детским началом объясняется многое: и сказочный флер, и периферийность краеведения, и колоритность образов... А книжка — карта этих сокровищ.

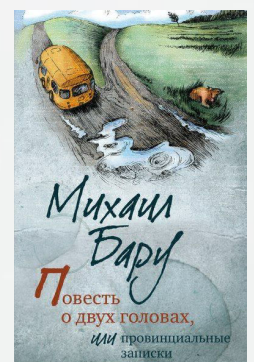
Во вступлении к сборнику путевых очерков и лирических миниатюр Михаила Бару «Повесть о двух головах, или Провинциальные записки» А. Пермяков пишет: «И кто-нибудь непременно сочинит термин к этим «запискам» — «краеведческое фэнтези». Но к истине не приблизится, поскольку фэнтези — продукт развлекательный, а проза Бару — интеллектуальный. Конечно, присутствуют элементы сказки: дракон, умирающий от перепоя, русалки всех видов и мастей и собаки, хохочущие, когда хозяин-охотник начинает заливать вспоминать, как одним выстрелом трех медведей на шампур...

Только это антураж, виньетки, добавляющие замысловатости и волшебства, чтобы не заскучал читатель, проглатывая страницы с перечислением промыслов того или иного заштатного городка. Сотни костей мамонта словно мощи святых распространились по расейским весям, а с ними огурцы/пастила/стерлядь/беляши/икра, подаваемые неизменно к самому царскому столу.

«Красивая, изящная и немного грустная игра». Все зиждется на этой основе, и поднимается тесто текста, и катит вдаль дорога, и родная сердцу разлука привычно ласкает взгляд... Перекличка с «Мертвыми душами». Намеки на поэму разбросаны по книге. Вот, в самом конце: «Куда бежишь ты? Хотя б намеки... Молчит. Петляет. Уходит от ответа. Может, его и вовсе нет. Да и так ли он нужен, этот ответ...» Речь о дороге, ибо нынешние пути в провинции такие, что тройка гикнулась бы у первого придорожного ...

И все-таки привлекает Бару не путевыми заметками, описями музеев и нравов, вернее, не совсем этим. Больше — умением замечать в обыденном необычное, неявными находками. Трансформацией прозы в поэзию.

Не пытайтесь выискать сюжет, дело это бесполезное, и русалки не в счет: две головы повести Бару — это, собственно, путевые заметки и лирические зарисовки. Первые объединены (не всегда) маршрутом движения, вторые — временами года. Можно насчитать сколько угодно пересечений, общих героев и самоповторов, но сюжет у каждого очерка/миниатюры один (но тоже о двух

головах). **Это вкратце переложенная история населенного пункта с акцентированным вниманием на градо- и душеобразующих элементах и — лирические всполохи.** Точнее было бы их назвать стихотворениями в прозе.

Провинциальные записки Михаила Бару правильнее читать как хороший сборник стихов — по несколько в день, смакуя каждое на вкус и давая отстояться, а не смешивая в какофонию образов.

Вот только небольшая доля цитат, ярких и запоминающихся:

«Бабье лето — это последний шанс для тех лягушек, которые еще не стали царевнами»; «две строгих старушки прибирают огарки свечей и так строго посматривают по сторонам, что даже святые на иконах отводят в сторону глаза»; «если высунуть язык, то на него упадет одно или два мгновения»; «продать даже зубчик чеснока, не говоря о целой челюсти»; «варенье из такой земляники вызывает зависимость уже после второй чайной ложки»; «молодые девушки, работающие музейными старушками»...

Бару обладает редким умением заинтересовать с первых строк, делать зачин «вкусным». Вот, например, как начинается глава «Юрьевец»: *«В начале мая в Юрьевце мужики озабочены одним — плотва идет. На муравья идет так, что только успевай вытаскивать. Я сам видел рыжую с белыми лапами кошку, которая бежала на берег реки с удочкой, сделанной из хворостины».*

И хотя понятно, что будет дальше — развитие поселения с грозновско-петровских времен, расцвет/затухание/нерадостное настоящее, — читать продолжаешь. Потому что важно, как это сделано. Автор оправдывает ожидания. Вмонтирует ли сказочный эпизод, споет ли на прежний (но иначе поданный) красиво-грустный мотив, поднесет ли эстетствующему гурману блюдо с забавной интертекстуальной или иной игрой — а играть автор любит! — это будет сделано мастерски.

Ему скучно в привычных рамках перечислений богатств того или иного Богом забытого места. Он хирург по душеобразующей части. Собственно, поэтому большинство краеведов «старой школы» будут воротить носы от «Повести о двух головах». Ну что это, скажите, за описание приокского Белева: «От Одоева до Белева сорок три километра сплошного Левитана»? Или констатация извечной проблемы: «Если дорога от Красного Холма до Весьегонска имеет вид убитой, то от Весьегонска до Устюжны она выглядит так, точно над трупом еще и надругались?»

О недостатках книги и метода тоже можно написать. Ну, не прописан Радищев в описании Торжка — велика ли беда? Не проставлены даты написания очерков — тоже не смертельно. В других местах, когда говорится о юбилеях тех или иных селений, датировка тоже не помешала бы. Некий скепсис по отношению к советскому прошлому — также общее место. Но дело, разумеется, не в этих мелочах.

Осталось сказать о симптомах времени. Для кого-то — разрушенных надежд, для иных — больших возможностей. Бару собирает анамнез российской провинции. Вот какая картина получается: *«<практически любой населенный пункт> мало изменился за последние несколько сотен лет — те же добротные купеческие каменные дома, те же храмы, та же Ока... только все обветшавшее донельзя».*

А если сотни лет сузить до последних двадцати — тридцати, предстанет такая картин(к)а: «Словно в одночасье исчезли тушенка со шпротами (это о местных заводах), а за ними пропала и зарплата. Люди ждали, ждали... и стали охотиться на птицу, зверей, ловить рыбу, собирать грибы и ягоды. Не все, конечно. Многие, чтобы скрасить ожидание, запили». И, конечно, родственное выражению «Пожрала саранча»: «Купили москвичи». И: «Кто не пьет — тот едет в Москву на работы». Ничего не напоминает?

Сост.: гл. библиограф ИБО Тогузова Е.Н.

Использ. рецензия В. Коркунова